

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-282-294>

<https://elibrary.ru/TNWVJV>

УДК 82.091

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Юрий СТУЛОВ

ЭТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ДЖ. БОЛДУИНА: ПЕРЕКЛИЧКИ С Л.Н. ТОЛСТЫМ

Аннотация: В статье рассматриваются этические принципы выдающегося американского писателя середины XX в. Джеймса Артура Болдуина, которые переключаются с моральными императивами Льва Николаевича Толстого. В среде афроамериканских писателей интерес к русской литературе был традиционен, что объясняется и фигурой А.С. Пушкина, который, наряду с А. Дюма, воспринимался ими как пример гения с африканскими корнями, и поездками в Советскую Россию афроамериканских писателей, в частности Лэнгстона Хьюза, оказавшего значительное влияние на мировоззрение Болдуина, и творческими поисками авторов, видевших в русской литературе ориентиры для своей деятельности, как это было, например, для наставника Болдуина в литературе Ричарда Райта. Джеймс Болдуин хорошо знал литературу, в том числе русскую, а через Мартина Лютера Кинга, своего друга и лидера движения за гражданские права, испытал воздействие принципов непротivления злу Л.Н. Толстого, которые он не только проповедовал, но и пытался претворить в практической деятельности. Анализ некоторых его произведений указывает на несомненные переключки с Л.Н. Толстым. Особенно это характерно для его публицистики, а также художественного мира его романов. Сравнение взглядов великого русского писателя с идеями популярнейшего афроамериканского автора середины XX в. может помочь глубже понять роль Л.Н. Толстого в формировании идеологической платформы литературы афроамериканцев, а с другой стороны, проникнуть в творческую лабораторию писателя, ставшего пророком своего поколения, голос которого был важен для миллионов своих сограждан.

Ключевые слова: афроамериканский роман, «черная революция», нравственно-этические взгляды, концепция любви, моральное самоусовершенствование личности.

Информация об авторе: Юрий Викторович Стулов, кандидат филологических наук, доцент (до 2021 г.) Минского государственного лингвистического университета, независимый исследователь, г. Минск, Беларусь. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6395-2170>. E-mail: yustulov@mail.ru.

Для цитирования: Стулов Ю.В. // Этические поиски Дж. Болдуина: переключки с Л.Н. Толстым // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 282–294. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-282-294>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-282-294>

<https://elibrary.ru/TNWVJV>

UDC 82.091

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Yuri STULOV

JAMES BALDWIN'S QUEST FOR ETHICS ECHOING LEO TOLSTOY

Abstract: The paper deals with the ethical principles of James Arthur Baldwin, an outstanding US writer of the mid-20th century, which echo the moral imperatives of Leo Tolstoy. African American writers traditionally displayed great interest in Russian literature, which is connected with the figure of A.S. Pushkin who along with A. Dumas was regarded as a symbol of talent of a person with African roots; visits to Soviet Russia of African American writers, especially of Langston Hughes who significantly influenced Baldwin's worldview; and their search for creative ideas which they found in Russian literature, like Richard Wright, his mentor in literature. James Baldwin knew literature very well, including Russian literature, and through Martin Luther King, Jr., his friend and leader of the Civil Rights movement, was greatly affected by Tolstoy's theory of non-resistance to evil, which he not only advocated but also tried to put into practice. The analysis of some of his works shows certain similarities with Leo Tolstoy. This is especially characteristic of his essays and the artistic world of his novels. The comparison of the great Russian writer's views with the ideas of the most popular African American writer of the mid-20th century can help understand Leo Tolstoy's role in forming the ideological platform of African American literature more deeply, and, on the other hand, get an insight into the creative laboratory of the writer who became a prophet for his generation whose voice was important for millions of his compatriots.

Keywords: African American novel, the Black Revolution, moral and ethical views, the concept of love, moral self-perfection.

Information about the author: Yuri V. Stulov, PhD., Former Associate Professor (before 2021) at Minsk State University of Linguistics, independent researcher, Minsk, Belarus. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6395-2170>. E-mail: yustulov@mail.ru.

For citation: Stulov, Yuri. "James Baldwin's Quest for Ethics Echoing Leo Tolstoy." *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 282–294. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-282-294>.

На протяжении всей жизни великого русского писателя Л.Н. Толстого и одного из самых значительных американских литераторов XX в. Дж. Болдуина темы вины, ответственности, прощения и любви были ключевыми в их размышлениях о жизни и нашли свое отражение как в дневниках и эссеистике, так и художественном творчестве. Это и великие романы Толстого, его книга «О жизни» и многие другие произведения, и «Другая страна», «Блюз Сонни» и публицистические сборники Болдуина. Мучительные поиски морального императива, стремление найти смысл земного существования, сложные отношения с официальной церковью, вовлеченность в труднейшие общественные проблемы своего времени, характерные для Л.Н. Толстого, во многом повторяются в жизненном пути афроамериканского писателя, которого называют «одним из самых интеллектуально одаренных критических мыслителей XX века» [Miller 2018]. Связывает их и глубокое понимание той роли, которую играют литература и искусство в изменении морального климата в обществе. Оба писателя много размышляли о том, что такое любовь, какую ответственность она накладывает на людей, утверждая нравственные приоритеты в человеческой деятельности.

Для Джеймса Болдуина тема любви является магистральной. Практически каждый из его романов в той или иной степени затрагивает эту тему, рассматривая ее на уровне личностных, семейных, расовых отношений в 1960–1970-е гг., определивших дальнейший ход событий в стране. По мнению Л. Седерстром, «как раз в сфере любви и секса его идеи — самые революционные»¹ [Cederstrom 1984: 176]. Наиболее интенсивный период его творчества приходится на годы так называемой «черной революции», связанной с деятельностью Мартина Лютера Кинга, лауреата Нобелевской премии мира, испытавшего через Махатму Ганди огромное воздействие идей Л.Н. Толстого. Будучи одним из сподвижников Кинга, Болдуин поддерживает его план ненасильственных действий в надежде, что нации удастся избежать новой гражданской войны и преодолеть раскол, вызванный расовой проблемой. Важно подчеркнуть четкую взаимосвязь между двумя выдающимися людьми своего времени. Как отметила Э. Терри на конференции памяти Дж. Болдуина в Массачусетском университете в Амхерсте, где преподавал писатель, «в то время, как Кинг сподвиг нас на действия, именно Болдуин не давал нам затихнуть,

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, перевод мой. — Ю.С.

потому что он придавал силу нам и праведности нашего дела для нас самих на все времена» [Terry 1987: 553]. Несмотря на отдельные разногласия между ними, в главном они были единомышленниками, и это особенно проявлялось в их нравственно-этических взглядах, которые определенно показывают особое место концепции любви в их мировоззрении, формировавшейся, в том числе под влиянием Л.Н. Толстого.

В дневниковой записи от 1 января 1909 г. Л.Н. Толстой пишет: «Благо жизни людей прямо пропорционально их любви между собой» [Толстой 1928–1964: 57: 3]. М.Л. Кинг развивает эту мысль. В дебатах о культурном наследии великого русского писателя в год столетия смерти Л.Н. Толстого американский литературовед Марк Титер цитировал Кинга, который верил, что «любовь является мощным инструментом для социальной и коллективной трансформации» [Шведковский 2010]. Болдуин, как и Кинг, был убежден, что идеи христианского всепрощения и любви найдут отклик в сердцах сограждан, не желающих допустить роста насилия в стране. Только любовь может принести мир, покой и радость, если она основана на равенстве любящих, когда ни цвет кожи, ни классовое положение, ни гендерные различия не определяют отношения между людьми. Это касается как отдельных людей, так и целых групп и общин, в частности белых и цветных.

1960-е — начало как нового этапа в движении за гражданские права, так и важнейшего периода в творчестве Болдуина, искавшего ответы на самые сложные вопросы американского общества, в числе которых — поиск выхода из расового тупика через всепрощение и примирение. А это возможно только через признание трагической истории взаимоотношений белых и черных и принятие жизни в ее противоречивости и сложности, где любовь может играть как созидательную, так и разрушительную роль: нигде так не демонстрируются стереотипы власти и возвышения над другим человеком, как в любви, в которой многое определяется стремлением к доминированию или покорности. Писатель заявляет: «Наша человечность — наш крест, наша жизнь; нам нужно бороться за нее; нам нужно сделать только то, что несравненно труднее, а именно: принять ее». Для него американский опыт исполнен «силы, боли и ужаса любви» [Baldwin 1964: 17, 33]. Потому столь важна ответственность каждого человека за свои поступки и отношение к другим людям: любимым, семье, своему окружению и своей стране.

Этому посвящены практически все книги, написанные Болдуином в этот период. В них речь идет об этической ответственности человека. Он видит задачу личности в моральном самоусовершенствовании, самоисправлении, что позволило бы улучшить нравственный климат общества. Он следует за Р.У. Эмерсоном, утверждавшим, что человек должен отринуть все принятые обществом понятия и прислушаться к тому, что говорит его внутренний голос. Это, доказывает Болдуин, позволит открыть глубины человеческой природы, понять, что движет личностью на пути познания мира и своего места в нем.

Первый же роман «Иди, вещай с горы» (*Go Tell It on the Mountain*, 1954) рисует подростка на пороге взросления, переживающего внутренний кризис в напряженных поисках своей идентичности. В белом мире он чувствует стыд за свою черноту, непохожесть, отверженность, не вполне понятные еще позывы плоти и пытается преодолеть терзающее его чувство вины. Роман насыщен цитатами из Библии или аллюзиями на библейские тексты: «Джон подумал со стыдом и ужасом, и при этом яростно и жестко: *Нечистый пусть еще осквернится*» [Baldwin 1976: 24; курсив Дж. Болдуина]. Они призваны усилить драматизм ситуации, подчеркивая болезненное для мальчика ощущение себя нелюбимым и нежеланным в родном доме, где одна только мать думает и заботится о нем. Он жаждет любви, ищет ее, но надеется обрести ее только в служении Богу, который дарует ему это чувство.

Мысли Джона обращены к отчиму Габриэлу, жесткому и бессердечному проповеднику, для которого мир окрашен только в два цвета — белое и черное, и который не способен любить, а значит, и понимать, как сложен мир. Габриэл исполнен ненависти и как будто не знает завет апостола Павла: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» [Гал V: 15]. Гордящийся своим благочестием, он в силу собственного жестокосердия и высокомерия не в состоянии понять и простить человеческие ошибки и промахи и это усложняется еще и проблемой расы. Он отказывается от родного сына, зачатого «в грехе», от женщины, которую он, казалось, любил, любя на самом деле себя — «благородного и доброго», взявшего в жены грешницу. Слова пророка Исайи «сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь» [Ис XXXVIII: 1] звучат как предостережение для Габриэла, который в собственном доме не может наладить спокойное и разумное существование семьи. Всю жизнь он чувствует на себе проклятие

быть черным в стране, где рычаги власти принадлежат белым. Свой комплекс неполноценности он вымещает на семье, которая боится его и замирает при звуке его шагов.

Это касается не только его родного сына Роя, но и Джона, пасынка, который не знает драматичную историю своей матери и отца, появляющегося в романе в воспоминаниях Элизабет. Габриэл — не его отец, но, не ведая этого, Джон стремится подавить ненависть, которую пробуждают в его душе жестокость и несправедливость отчима, его отношение к матери, лишенной в семье права голоса, гнетущая атмосфера в доме. Для Габриэла пасынок — это отродье дьявола; даже в его внешности есть нечто отталкивающее, и он вымещает на Джоне всю силу не израсходованных на любовь чувств. И Джон делает свой вывод: «... Он принял решение. Он не будет таким, как отец, или отцы отца. У него будет другая жизнь» [Baldwin 1976: 20]. Результатом стало моральное возвышение мальчика, сумевшего преодолеть ненависть — вопреки воле и желанию Габриэла, который не видел в нем своего духовного наследника, осмелившегося взять на себя миссию нести слово Божие людям: «И, однако, сын рабыни стоял там, где должен был стоять законный наследник» [Baldwin 1976: 130]. Все это время рядом с Джоном была мать, верившая в него и дарившая ему любовь, которой ему так не хватало.

В романе постоянно звучит тема борьбы добра и зла, света и мрака, которая присутствует едва ли не во всех произведениях Болдуина. Прорваться к свету можно только через страдание и очищение, постигнув тайны человеческого сердца и научившись любить. Джон побеждает Габриэла во время мучительного душевного процесса, знаменующего собой его взросление и обретение идентичности. Л.Н. Толстой дал определение «жизни» как «сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою» [Толстой 1928–1964: 26: 318] и тем самым объяснил природу цельности человеческой личности. Именно этого достигает Джон. Гармония в душе дает ему нравственные силы выдержать все испытания, и его отчиму, человеку с холодным сердцем и мрачной душой, не понять, что есть в этом некрасивом мальчике, который ощутил себя «обращенным» (converted), в ключевой сцене романа, рисующей его «метанойю», духовное пробуждение и победу над демонами мрака. Как писал Л.Н. Толстой, «жизнь человеческая начинается только с проявления разумного сознания, — того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, и в настоящем и в прошедшем, и жизнь других личностей, и всё, неизбежно

вытекающее из отношений этих личностей, страдания и смерть, — то самое, что производит в нем отрицание блага личной жизни и противоречие, которое, ему кажется, останавливает его жизнь» [Толстой 1928–1964: 26: 342]. Личное время Джона становится частью потока исторического времени, а его судьба — частью судеб миллионов афроамериканцев. А «основа всего сущего», как писал великий Уолт Уитмен, — «любовь» [Американская поэзия 1983: 135]. Л.Н. Толстой толкует христианское определение сути любви: «И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь — только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь — только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир» [Толстой 1928–1964: 26: 392–393].

Это чувство дано было испытать Элизабет — матери Джона и жене Габриэла, которая вынуждена была заплатить самую высокую цену за любовь к Ричарду, отцу мальчика. Ричард, талантливый молодой афроамериканец, по ложному обвинению оказывается в полицейском участке, где не выносит издевательств и сводит счеты с жизнью, будучи не в состоянии пережить надругательство над своей душой. Элизабет не может позволить сыну повторить судьбу отца и окружает его теплом и любовью в надежде, что его жизнь сложится лучше. И замуж она выходит ради него: страшную судьбу Ричарда во многом предопределила безотцовщина; он был, перефразируя известный спиричуэлс, “a fatherless child” — «ребенком без отца, далеко от дома». Поэтому Элизабет обрекает себя на это замужество; ее сын не должен узнать правду, и ради этого она согласна выносить все тяготы семейной жизни с Габриэлом. Элизабет олицетворяет собой нравственную силу, поскольку она знает, что такое любовь, помогающая ей не сдаваться и поддержать сына в момент испытаний, когда он понимает, что нужно пройти через очищающий огонь, обещающий воскресение души.

Господь спасет.

И он увидел огонь, красный и золотистый, ждущий его – желтый, и красный, и золотистый, горящий в вечной ночи и ждущий его. Он должен пройти через этот огонь и окажется в этой ночи.

Господь спасет» [Baldwin 1976: 174; курсив Дж. Болдуина].

Болдуин выходит за рамки афроамериканского дискурса, как отметила Т.Н. Денисова, утверждавшая, что писателем движет желание «говорить о человеке вообще и о жизни вообще» [Денисова 1971: 285], — и это явно переключается с приведенным высказыванием Л.Н. Толстого. Осознание Джоном своей души, принятие своего тела, ощущение своего единства со своим народом приходит через страдание, обретение корней и понимание смысла любви, потребности любить и быть любимым. Роль матери в этом огромна, поскольку именно она не дает ему сломаться.

Эта же тема является ключевой и в повести «Комната Джiovанни» (*Giovanni's Room*, 1956), где Болдуин создает образ американца Дэвида, неспособного любить, поскольку он вырос в обществе, где человек запрограммирован прятать чувства и стыдиться их. Болдуин исследует причины, которые заставляют Дэвида и его несостоявшуюся невесту жить в мире иллюзий и самообмана. В Париже, куда Дэвид приезжает с Хеллой, он знакомится с итальянцем Джiovанни и чувствует, что привязывается к молодому человеку. Для Болдуина их взаимоотношения — это способ исследовать проблему отчуждения, которая во многом характеризует американское общество. На это обращают внимание многие литературоведы. Ведь, как позднее напишет сам писатель, «...мужчины намного более беспомощны, чем женщины — потому что они намного менее прямодушны, они нужны друг другу как товарищи, нужны для самоисправления, нужны, чтобы выплакаться и сквернословить, нужны друг другу как пример, одним словом, нужны вообще для того, чтобы быть в состоянии любить женщин» [Baldwin 1974: 81]. Джiovанни любовь давала силы выдержать абсурд атомизированного общества, где каждый живет сам по себе и где никому нет дела до твоей души. Рисуя неспособность Дэвида откликнуться на любовь, Болдуин подчеркивает процесс утраты внутренних связей между людьми, очерствение, обезличивание человека, свидетельствующие о дисгармонии мира.

В определенной степени писатель продолжает тему Генри Джеймса с его исследованием того, что понимается под американской «невинностью», то есть нежеланием видеть темные стороны жизни, боязнью правды, стремлением оставаться в мире иллюзий. У Дэвида отсутствует чувство вины по отношению и к невесте, и к Джiovанни; он в прямом смысле бежит от себя, от сомнений, от проблем, оказавшись в незнакомой пьяной компании где-то на краю света. Но это не спасает: он обнаруживает себя перед судом совести, когда не на

кого переложить ответственность за все, что произошло из-за него и его нежелания принять жизнь в ее сложности. Любовь предполагает ответственность перед любящими тебя людьми, но этого-то и нет у американца. Сам Болдуин скажет: «Каждый боится, что его или ее увидят такими, какие они есть. Но это, знаете ли, *цена*. Вот почему так страшит любовь» [Eckman 1966: 29]. Не понимая страданий других людей, Дэвид обрекает себя на неприкаянность и бездомность. В его отношениях с Хеллой любовь заменяет подчеркнуто механистический секс; нет ни возвышенных слов, ни уважения друг к другу. Оказавшись в Париже, и он, и Хелла остались вне мира благополучия и запрограммированности на достижение Американской мечты и не смогли найти себя в реальности. Дэвид не понял и того, что Джиованни тянется к нему за теплом и дружбой, он остается холоден и не чувствует тоски и отчаяния итальянца. Хелла возвращается в США, где все ясно и понятно, а он остается «невинным» — ведь он «американец до мозга костей» (“as American as pork and beans”) [Baldwin 1965: 120]. В книге все персонажи чего-то избегают, куда-то бегут, но в результате всех их ждет жизненное крушение.

В своем следующем романе «Другая страна» (*Another Country*, 1962) писатель вновь обращается к волнующей его теме; как пишет об этом романе известный американский литературовед Г. Хикс, «сложности любви редко исследовались с большей тонкостью или с большей глубиной» [Hicks 1970: 95]. Все герои мечутся в поисках любви и сострадания, и все свидетельствуют о некоммуникабельности людей в современной Америке, для которых даже любовь становится невозможной. Здесь перекрещиваются судьбы практически всех персонажей книги: Руфус — Кэсс — Вивальдо — Эрик; Вивальдо — Айда — Эрик; Айда — Эллис; Кэсс — Ричард — Эрик; здесь описываются связи и любовные отношения белых с белыми, афроамериканцев с афроамериканцами, белых с афроамериканцами, американцев с европейцами — и всех объединяют отчаяние, безнадежность и неизбежное чувство вины за то, что жизнь ни у кого не складывается. Даже у внешне вполне благополучной семейной пары Кэсс и Ричарда любовь приобретает истерические черты, что говорит о душевном нездоровье, заставляя вспомнить известную толстовскую максиму: «мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и не любим за то зло, которое мы им делали» [Толстой 1928–1964: 34: 76]. Болдуиновские персонажи виновны все друг перед другом — за невнимание, неумение услышать другого, за душевную черствость.

Понимание этого приходит только после самоубийства Руфуса, за которым следует наказание — смятение, внутренняя неустроенность, сумятица в умах и одиночество даже в объятиях любящего человека, которые характерны для героев этого романа, как и для персонажей почти всех произведений Болдуина.

Прилагательное «одинокий» постоянно повторяется в романе. Леона как бы подытоживает общее ощущение: «Люди просто одиноки, потому и злятся. Верь мне, мальчик, я-то уж знаю» [Болдуин 2000: 41]. Отчаяние, чувство безысходности ведут не только к духовному кризису, но и производят разрушительное действие на человеческую психику, заставляя думать о вине окружающих и смерти как единственном выходе из жизненного тупика. Со смертью Руфуса каждый испытывает чувство стыда за свое поведение, вспоминая, когда, как и, главное, почему был сделан шаг, который привел к его гибели. По Л.Н. Толстому, «смерть — это уничтожение того стекла, через которое я смотрел на мир. О том, будет ли это стекло заменено другим, — мы не можем знать, да нам и не нужно знать. Одно мы знаем верно: что уничтожение стекла не уничтожает глаза» [Толстой 1928–1964: 43: 58].

Каждый из героев романа обращается к памяти Руфуса, пытается понять причину не только его смерти, но и постичь себя, свои проблемы и комплексы. Русский писатель, чьи произведения были хорошо знакомы Болдуину, давно объяснил, в чем дело: «Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя. Только при этом условии возможны благо и жизнь человека, и только при этом условии уничтожается и то, что отравляло жизнь человека, — уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти» [Толстой 1928–1964: 26: 910]. У Болдуина все герои нацелены на себя, смотрят только вовнутрь и копаются в себе; их любовь нарциссична, не направлена вовне. Они не способны почувствовать и понять боль другого, что подчеркнуто многочисленными библейскими аллюзиями, рассыпанными по всему тексту.

Неспособность любить предстает не только как личная драма, но и как социальная болезнь. Не случайно один из героев кончает жизнь самоубийством, его возлюбленная сходит с ума, его сестра и лучший друг постоянно мучают друг друга, Кэсс и Ричард Силенски переживают семейный кризис. Болдуин приводит читателя к выводу, что только «если человек может жить с собственной болью, тогда он

поймет боль других, и тогда, пусть на момент, трансцендентально мы сможем избавить друг друга от боли» [Baldwin 1974: 313]. В результате поиски пути в «другую страну» любви оказались безуспешными; отношения между персонажами определяют отчужденность и неверие в возможность изменить жизнь, хотя слабую надежду Болдуин все-таки оставляет, назвав последнюю часть книги «На пути в Вифлеем»: через страдания и муки нужно обрести способность возродиться в любви. Кстати, это созвучно этическим взглядам М.Л. Кинга, который писал: «Необходимо ... следовать этике любви, которая становится силой для интеграции личности» [The Negro Protest 1963: 40].

В более поздних произведениях Болдуина, особенно в повести «Если Бийл-стрит могла бы заговорить» (*If Beale Street Could Talk*, 1974) и романах «Скажи, когда ушел поезд» (*Tell Me How Long the Train's Been Gone*, 1968), «Прямо над головой» (*Just Above My Head*, 1979), появляются герои, которые, благодаря чувству любви, сумели преодолеть одиночество, обрести самость, найти свое место в жестоким мире и способность отдавать себя людям, то есть способность творить. Главные герои произведений 1970–1980-х гг. — люди творческих профессий, которые в отличие от своих предшественников в ранних книгах Болдуина, показаны в творческом акте, вдохновленном любовью. Как говорил герой романа «Скажи, когда ушел поезд» актер Лео Праудхаммер, «если я мог отдавать, я мог жить» [Baldwin 1974: 368]. Из сутолоки Нью-Йорка, от каменной громады небоскребов Болдуин уводит своих героев на лоно природы. Одна из самых поэтичных любовных сцен в романе «Скажи, когда ушел поезд» происходит вдалеке от города, когда над Лео и любимой женщиной простирается огромное ночное звездное небо: «Казалось, будто мы не только соединились друг с другом, но и с ночью, и звездами, и луной, и спящей долиной, и деревьями, и землей под плитой, которая была нашим ложем, и водой, текущей под землей» [Baldwin 1974: 308]. Человек самоценен, и Болдуин воспеваает такого человека, который становится более цельным по сравнению с персонажами предшествующего периода, утверждая творческий труд как главную нравственную опору. Писатель чувствует свою ответственность художника, которая всегда питала его творчество: «Если я в некотором роде поэт, то тогда я, с моей точки зрения, несу ответственность перед людьми, которые создали меня, и перед людьми, которые придут после меня» [Baldwin 1973: 26]. И это тоже роднит его с великим русским писателем и мыслителем.

ЛИТЕРАТУРА

Американская поэзия 1983 — Американская поэзия в русских переводах XIX–XX веков. М.: Радуга, 1983.

Болдуин 2000 — *Болдуин Дж.* Другая страна / пер. с англ. В. Бернацкой. Назрань: Гелеос, 2000.

Денисова 1971 — *Денисова Т.Н.* На пути к человеку. Борьба реализма и модернизма в современном американском романе. Киев: Наукова думка, 1971.

Толстой 1928–1964 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964.

Шведовский 2010 — *Шведовский Ф.* Дебаты по Толстому между американцами и русскими. 2010. URL: <https://ru-tolstoy.livejournal.com/3233.html> (дата обращения: 12.03.2022).

REFERENCES

Amerikanskaia poeziiia 1983 — *Amerikanskaia poeziiia v russkikh perevodakh 19–20 veka* [*American Poetry in Russian Translations, 19th–20th centuries*]. Moscow: Raduga Publ., 1983. (In Russ.)

Baldwin 2000 — Baldwin, James. *Drugaia strana* [*Another Country*]. Translated by V. Bernatskaia. Nazran': Geleos Publ., 2000. (In Russ.)

Baldwin 1965 — Baldwin, James. *Giovanni's Room*. New York: A Dell Book, 1965.

Baldwin 1976 — Baldwin, James. *Go Tell It on the Mountain*. London: Corgi Books, 1976.

Baldwin 1964 — Baldwin, James. *Notes of a Native Son*. London: Corgi Books, 1964.

Baldwin 1974 — Baldwin, James. *Tell Me How Long the Train's Been Gone*. London: Corgi Books, 1974.

Baldwin, Giovanni 1973 — Baldwin James & Giovanni Nikki. *A Dialogue*. Foreword by Ida Lewis, afterword by Order Coombs. Philadelphia; New York: Lippincott, 1973.

Cederstrom 1984 — Cederstrom, Lorelei. "Love, Rave and Sex in the Novels of James Baldwin." *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, 17.2 (Spring 1984): 175–188.

Denisova 1971 — Denisova, Tamara N. *Na puti k cheloveku. Bor'ba realizma i modernizma v sovremennom amerikanskom romane* [*On the Way to the Man. The Struggle between Modernism and Realism in the Contemporary American Novel*]. Kiev: Naukova Dumka Publ. 1971. (In Russ.)

Eckman 1966 — Eckman, Fern M. *The Furious Passage of James Baldwin*. New York: Evans, 1966.

Hicks 1970 — Hicks, Granville (with the assistance of Jack Alan Robbins). *Literary Horizons. A Quarter Century of American Fiction*. New York: New York University Press, 1970.

Miller 2018 — Miller, Elliott. “A Baldwinite’s Regret.” Counterpunch, July 3, 2018. <https://www.counterpunch.org/2018/07/03/a-baldwinites-regret/>

Shvedovskii 2010 — Shvedovskii, Felix. *Debaty po Tolstomu mezhdu amerikantsami i russkimi* [Debates on Tolstoy between Americans and Russians] (2010). <https://ru-tolstoy.livejournal.com/3233.html>. (In Russ.)

Terry 1987 — Terry, Esther. et al. “James Baldwin, 1924–1987.” *The Massachusetts Review* 28, no. 4 (Winter, 1987): 551–560.

The Negro Protest 1963 — *The Negro Protest. James Baldwin, Malcolm X, Martin Luther King Talk with Kenneth B. Clark*. Boston, MA: Beacon Press, 1963.

Tolstoy 1928–1964 — Tolstoy, Leo N. *Polnoe Sobraniie Sochinenii: v 90 t.* [Complete Works in 90 vols.]. Edited by V.G. Chertkov. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1928–1964. (In Russ.)

© 2022, Ю.В. Стулов

Дата поступления в редакцию: 10.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 12.09.2022

Дата публикации: 25.12.2022

© 2022, Yuri V. Stulov

Received: 10 Feb. 2022

Approved after reviewing: 12 Sept. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022